

Василий Григорьевич Авсеенко

Итальянский поход Карла VIII и последствия его для Франции

Василий Григорьевич Авсеенко Итальянский поход Карла VIII и последствия его для Франции

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2779225

Аннотация

«Намѣреваясь обозрѣть исторію и результаты итальянскаго похода Карла VIII, я долженъ напередъ объяснить, какія соображенія побудили меня избрать эту тему для своего труда, и какимъ образомъ думаю я воспользоваться значительнымъ матеріаломъ, находящимся въ моемъ распоряженіи...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

22

**Василий Григорьевич
Авсеенко**

**Итальянскій походъ
Карла VIII и послѣдствія
его для Франціи**

*Очеркъ внутренняго
состоянія Италіи
временъ возрожденія,
и вліянія итальянской
культуры на Францію*

Намѣреваясь обозрѣть исторію и результаты итальянскаго похода Карла VIII, я долженъ напередъ объяснить, какія соображенія побудили меня избрать эту тему для своего труда, и какимъ образомъ думаю я воспользоваться значительнымъ матеріаломъ, находящимся въ моемъ распоряженіи.

Политическая и военная сторона похода Карла VIII въ Неаполь очень маловажна и представляетъ мало фактовъ, за-

служивающихъ вниманіе; но это дурно рассчитанное и вполне неудавшееся предпріятіе важно для насъ въ другомъ отношеніи. Какъ прологъ французско-итальянскихъ войнъ, безспорно представляющихъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій переходнаго времени, оно имѣетъ обширное значеніе въ исторіи европейской цивилизаціи. Здѣсь французская нація, въ умственномъ, художественномъ и экономическомъ быту которой ясно обозначались еще слѣды средневѣковой эпохи, встрѣтилась лицомъ къ лицу съ итальянской культурой, находившейся тогда въ полномъ цвѣту возрожденія; здѣсь наблюдаемъ мы столкновеніе двухъ различныхъ цивилизацій, столкновеніе, довершившее внутреннее перерожденіе Франціи, начатое хитрою политикою Людовика XI; здѣсь мы имѣемъ возможность наблюдать также, какими послѣдствіями отразилось на французскомъ народѣ вліяніе глубокой нравственной порчи, которою страдала Италія временъ возрожденія.

Сообразно всему сказанному, политическія и военныя событія, которыми ознаменовался итальянскій походъ Карла VIII, отойдутъ на второй планъ въ моемъ изложеніи. Я не буду также распространяться о нѣкоторыхъ специальныхъ вопросахъ, преимущественно интересующихъ Французскихъ историковъ, напр. вопроса о томъ, вѣнчался ли Карль VIII императорскою короною, и дѣйствительно ли уступилъ ему Андрей Палеологъ византійскій престолъ. Всѣ мелочи, имѣющія совершенно частное, специальное значеніе, войдутъ въ

мой разсказъ только въ томъ случаѣ, если съ ними связаны болѣе важныя и вліятельныя событія разсматриваемой эпохи, или если онѣ ярко характеризуютъ степень умственнаго и экономическаго развитія того или другаго народа. Преимущественное вниманіе будетъ обращено мною на политическое, умственно-художественное и нравственное состояніе Италіи въ концѣ XV столѣтія, на внутреннее содержаніе и характеръ итальянской цивилизаціи временъ возрожденія. Слѣдя за французами въ ихъ неаполитанскомъ походѣ, я буду не столько излагать, что они дѣлали, сколько, что они видѣли, чему были свидѣтелями, и въ особенности, что перенесли они на собственную почву. Французы и Франція явятся исключительнымъ предметомъ наблюденія только въ заключеніи моего труда. Здѣсь я постараюсь сгруппировать въ одномъ очеркѣ сумму преобразованій, внесенныхъ въ умственный, художественный и политическій бытъ Франціи итальянскимъ вліяніемъ, и прослѣжу въ краткомъ обзорѣ дальнѣйшее развитіе итальянской культуры на Французской почвѣ до временъ Катерины Медичи.

Что касается до источниковъ, которыми я пользовался при составленіи этой монографіи, то они распадаются на три группы. Къ первой относятся официальные акты и документы, въ довольно значительномъ числѣ находящіеся въ приложеніяхъ къ мемуарамъ Коммина (изданіе аббата Lenglet du Fresnoy, съ первоначальнаго изданія Godefroy, 1747 г. 4 тома in 4), также въ приложеніяхъ (pieces

justificatives) къ нѣкоторымъ новѣйшимъ монографіямъ, и въ драгоцѣнной коллекціи Cimber'a; Archives curieuses de l'histoire de France.

Ко второй группѣ относятся хроники, мемуары, реляціи, дневники, большею частью принадлежащія современникамъ и очевидцамъ итальянскаго похода Карла VIII, и заключающія въ себѣ обширный запасъ свѣдѣній о событіяхъ разсматриваемой мною эпохи. Изъ источниковъ этого разряда, особеннаго вниманія заслуживаютъ мемуары Коммина, лѣтопись Гвиччіардини; дневникъ Бурхарда, честнаго и наблюдательнаго церемоніймейстера двора Александра VI, и стихотворная поэма де-Виня (Vergier d'honneur), съ особенною подробностью описывающая походъ Карла VIII изъ Рима въ Неаполь и обратный путь его во Францію. Наконецъ, третью группу составляютъ изслѣдованія и монографіи новѣйшихъ историковъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ: Michelet, въ своемъ Renaissance обозрѣвающий вліяніе итальянской культуры на Францію, Gordon (Vie du pape Alexandre VI, пер. съ англ.), описывающій дѣла римской куріи въ первый періодъ французско-итальянскихъ войнъ и особенно важный потому, что онъ пользовался въ рукописи интереснымъ дневникомъ Бурхарда, до сихъ поръ нигдѣ не изданнымъ вполнѣ; William Roscoe (Leben des Lorenzo Medici и Vie et pontificat de Leon X, то и другое перев. съ англ.), въ послѣднемъ своемъ сочиненіи служащій продолженіемъ Гордону и важный по богатству собраннаго имъ

матеріала и по приложеніямъ въ концѣ каждого тома, гдѣ онъ впервые обнародовалъ много замѣчательныхъ документовъ; Sismondi (*Histoire des républiques d'Italie au moyen âge*) Leo (*Geschichte der italienischen Staaten*), Kortum (*Geschichte Europa's im Uebergange vom Mittelalter zur Neuzeit*), въ болѣе или менѣе полныхъ очеркахъ изображающіе внутреннее и внѣшнее состояніе Италіи въ концѣ XV вѣка, и мн. др. Изъ этого краткаго обозрѣнія источниковъ видно, что собранный мною матеріалъ, при кажущемся съ перваго взгляда богатствѣ и разнообразіи, не вполне достаточенъ однакоже для выполненія одной изъ главныхъ задачъ, предположенныхъ мною въ этомъ трудѣ, — задачѣ изобразить внутреннее перерожденіе Франціи, произведенное итальянскимъ вліяніемъ, прослѣдить развитіе итальянской культуры на французской почвѣ. Исторію культуры можно изучать самостоятельно только по литературнымъ и художественнымъ памятникамъ, изъ которыхъ первые часто недоступны по своей рѣдкости, а вторые требуютъ ознакомленія съ ними на мѣстѣ. Этимъ извиняется въ нѣкоторой степени неполнота послѣдней части моего труда, такъ какъ здѣсь почти единственными руководителями служили мнѣ извѣстный трудъ Мишле: *Histoire de France*, и роскошное изданіе Поля Лакруа: *Moyen âge et Renaissance*¹.

Въ половинѣ XV вѣка, замѣтная пустота образовалась въ

¹ Ссылки на источники, непоименованные в этомъ краткомъ обозрѣніи, находятся ниже, в примѣчаніяхъ.

жизни европейскаго общества. Въ эту эпоху, всѣ главнѣйшіе факторы средневѣковой исторіи приходятъ въ состояніе изнеможенія и безсилія. "Всѣ великія, міровыя идеи, нашедшія свое осуществленіе въ средне-вѣковой жизни, потеряли наконецъ нравственное обаяніе, которымъ такъ долго были облечены онѣ въ глазахъ западныхъ народовъ. Папство и имперія, два противоположные угла зданія, въ которое сложилась средневѣковая эпоха, истощили свои средства въ вѣковой взаимной борьбѣ и въ борьбѣ съ новыми идеями, проникавшими во всѣ слои западнаго общества. Крестовые походы, ереси средневѣковыхъ раціоналистовъ, авиньонское плѣненіе папъ, великій расколъ, вселенскіе соборы, все это одно за другимъ, словно систематически, потрясало папство, пока не разрушило въ конецъ его политическую силу. Что касается до католицизма, то онъ былъ такъ тѣсно связанъ съ папствомъ, что паденіе одного неминуемо должно было поколебать авторитетъ другаго. Католическій догматъ оставался еще въ силѣ тамъ, куда не проникла ни одна изъ многочисленныхъ средневѣковыхъ ересей, но то политическое значеніе, которое было связано съ католицизмомъ въ средніе вѣка, было имъ утрачено, и утрачено невозвратно. Основной принципъ средневѣковой эпохи, единство, всемірная централизація, всюду долженъ былъ уступить мѣсто идеѣ національной самобытности, особенности. Стремленіе къ которой подъ конецъ среднихъ вѣковъ становится повсемѣстнымъ и преобладающимъ. Въ XV вѣкѣ, никого уже не могла соблазнить

и увлечь стереотипная средневѣковая формула: "одинъ Богъ, одинъ папа, одинъ императоръ". Повсюду, изъ подъ ко-
ры католическаго и цезарскаго космополитизма, широкою
струею пробивалась народная жизнь выяснялись и осмыс-
ливались народныя фізіономіи, опредѣлялись національные
интересы. Развитіе учреждений, обнимавшихъ своими при-
тязаніями весь европейско-хрістіанскій міръ, остановилось;
начался процессъ усиленнаго развитія національныхъ еди-
ницъ, мѣстной народной жизни. На развалинахъ император-
ской власти, на обломкахъ ея вселенскихъ притязаній, воз-
вышается власть королевская, источникъ и сила которой ко-
ренятся въ элементъ народности, національной самобытно-
сти и особенности. Отовсюду возвышается протестъ противъ
идеи всемірной монархіи, осуществить которую пытались
папство и имперія. "Всемірная монархія, говоритъ одинъ
французскій легистъ XIV вѣка, есть дѣло несправедливости
и насилія; оно противно волѣ Божіей, раздѣлившей влады-
чество надъ міромъ между королями, герцогами и князья-
ми."² «Власть императора ничтожна, говоритъ Эней Силь-
вій, обращаясь къ нѣмецкимъ князьямъ. Вы повинуетесь ей
на сколько хотите, а хотите вы какъ можно менѣе; каждый
думаетъ только о своихъ выгодахъ. Хрістіанскій міръ пред-
ставляетъ тѣло безъ головы. Папу и императора окружаетъ
блескъ ихъ высокихъ достоинствъ; но это только блѣднѣю-
щіе призраки; они не имѣютъ силу повелѣвать, и никто имъ

² Songe du Vergier, I.I. ch. 36 (apud Laurent, La Papauté et Empire, p. 316).

не повинуется. Каждая страна управляется своимъ государемъ, и каждый государь имѣть свои интересы»³. То, что говоритъ Эней Сильвій о Германіи, относится въ равной мѣрѣ ко всему европейско-христіанскому міру. Во второй половинѣ XV вѣка повсюду, отъ Атлантическаго океана до Волги, наблюденіе историка представляются аналогическія явленія: вездѣ монархическое, мѣстно-централизованное, государственное начало торжествуетъ надъ обломками старины и захватываетъ въ свои руки регулированье народною жизнью. Во Франціи, Людовикъ XI наноситъ рѣшительный ударъ Феодализму и основываетъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ троновъ въ мірѣ; въ Англіи, королевская власть, въ лицѣ Генриха VII, выходитъ торжествующею изъ внутренней неурядицы, произведенной распрями бѣлой и алой розъ и вѣковыми войнами съ Франціей; въ Испаніи, Фердинандъ и Изабелла соединеніемъ королевствъ Кастильскаго и Арагонскаго и изгнаніемъ Мавровъ довершаютъ зданіе національнаго единства, и на этой прочной опорѣ основываютъ торжество монархическаго принципа. Въ Германіи, тяготѣніе частей къ центру замѣтно ослабѣваетъ, и идея имперіи замѣняется идеею земства, народно-федеративной союзности, органомъ которой являются рейхстаги. Наконецъ, въ Россіи исчезаютъ остатки федеративно-вѣчевой старины, и Новгородъ Великій падаетъ подъ ударами умнѣйшаго изъ собирателей русской земли. Въ этомъ новомъ, движеніи, ка-

³ Germania, cap. 43 (apud Laurent. Ibid.).

къ и во всѣхъ вообще политическихъ переворотахъ западной Европы, инициатива и первенствующая роль принадлежить Франціи. Людовикъ XI представляетъ первый примѣръ короля централизатора, осторожно-хитраго и вмѣстѣ жестокаго собирателя своей земли, лучше всѣхъ предшествовавшихъ государей уясниваго себѣ задачу и средства королевской власти, и умнѣе и неуклоннѣе всѣхъ стремившагося къ достиженію сознанной имъ цѣли. Задача его была трудная: прежде, чѣмъ приступить къ ея выполненію, ему надлежало залѣчить тяжелыя раны, которыми страдала страна, вынесшая на своихъ плечахъ стотридцатилѣтнюю внѣшнюю войну и вѣковой гнетъ феодализма. Страшную картину представляла Франція въ половинѣ XV вѣка. Опустошительная, вполнѣ средневѣковая война покрыла ее развалинами. Города и села дымились отъ недавнихъ пожарищъ; въ цѣлыхъ округахъ, казалось, жизнь вымерла; плодородныя поля превратились въ необитаемые пустыри; въ лѣсахъ и по дорогамъ бродили хищныя звѣри. Матеріальное благосостояніе народа, никогда не достигавшее высокаго уровня, теперь было въ конецъ разрушено. Земледѣліе и промышленность едва удовлетворяли насущнымъ потребностямъ страны. Гордое, праздное дворянство, неспособное ни къ труду, ни къ пожертвованіямъ, давило крестьянское сословіе всею тяжестью своихъ феодальныхъ правъ. Наемныя войска, одичавшія среди нескончаемыхъ войнъ, грабили страну и обременя-

няли народъ налогами, необходимыми для ихъ содержанія.⁴ Толпы бездомныхъ бродягъ (routiers, ecorcheurs, retondeurs) разбойничали днемъ и ночью по большимъ дорогамъ, врывались въ селенія, съ звѣрскою жестокостью мучили беззащитныхъ поселянъ и заставляли ихъ нести за ними въ ихъ приюты награбленную добычу.⁵ Въ правительствѣ, въ администраціи, царствовалъ первобытный хаосъ. Феодалное начало упорно отстаивало свое существованіе и полагало неодолимую преграду дѣятельности центральной власти. Дворянство вело непрерывную, открытую борьбу съ королемъ. Избалованные слишкомъ столѣтними войнами, привыкшіе къ бивачной жизни, французскіе дворяне не могли усидѣть спокойно по заключеніи мира; они возмущались при каждомъ удобномъ случаѣ, часто безъ всякой сознательной цѣли, единственно чтобъ чѣмъ нибудь наполнить праздную пустоту своей жизни. Въ послѣднюю половину царствованія Карла VII, не проходило ни одного года безъ того, чтобъ не вспыхнуло гдѣ нибудь возстаніе. Вотъ для примѣра нѣсколько выдержекъ изъ лѣтописей. Въ 1439 году принцы крови и нѣкоторые вассалы подняли знамя бунта въ Блуа, и во главѣ возмущенія сталъ дофинъ, будущій Людовикъ XI; это возстаніе, которое народъ назвалъ прагеріей (praguerie), пото-

⁴ Cp. Kortun, Geschichte Europa's im Uebergange vom Mittelalter zur Neuzeit.I. Isqq.

⁵ Cp. Kortun, Geschichte Europa's im Uebergange vom Mittelalter zur Neuzeit.I. Isqq.

му что сопровождавшія его жестокости напоминали войны пражскихъ гусситовъ, продолжалось до 1442 года. Въ этомъ году герцоги Орлеанскій, Валансонскій, Бургундскій, Бретанскій, графъ Вандомъ и герцогъ Бурбонъ взволновали провинцію Пуату, и для усмиренія ихъ потребовались чрезвычайныя усилія со стороны правительства. Въ слѣдующемъ году возмутился графъ Арманьякъ и завязалъ измѣнническія сношенія съ королями Англійскимъ, Кастильскимъ и Арагонскимъ.⁶ Примѣрами подобныхъ возмущеній переполнены французскія лѣтописи XV вѣка. Феодальныя стихіи такъ прочно были укоренены на французской почвѣ, что Людовикъ XI, будучи еще дофиномъ, долженъ былъ употребить въ дѣло всю свою хитрость и энергію, всю силу своего характера, чтобъ прекратить междоусобныя распри феодаловъ въ своей вотчинѣ, провинціи Дофине, и при всемъ томъ, усилія его не увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Королевская власть была совершенно опутана феодальными узами; что могъ сдѣлать среди такихъ условій благонамѣренный, но слабый и безхарактерный Карль VIII? Этотъ молчаливый король съ угловатымъ черепомъ и неуклюжимъ туловищемъ, только два раза въ день принимавшій пищу, но три раза слушавшій обѣдню⁷, бросался во всѣ стороны, издавалъ указы за указами, работалъ безъ отдыха, а дѣла все шли по прежнему. Да а что могъ онъ противопоставить феодальнымъ си-

⁶ Lenglet du Fresnoy, Preface aux Memoires de Commines, 3 sqq.

⁷ Clement. I. 49.

ламъ онъ, который не всегда имѣлъ достаточно денегъ, чтобы купить себѣ пару сапоговъ?⁸ Весь ежегодный государственный доходъ Франціи едва-едва простирался тогда до двухъ съ половиною милл. ливровъ, собственные домены Карла VII доставляли ему всего 500,000 ливровъ, что немногимъ превышало доходы богатыхъ феодальныхъ владѣльцевъ.⁹ Какъ слабо было тогда вообще государственное начало передъ феодальными, видно изъ того поразительнаго факта, что король, казнившій смертью преступника изъ несвободнаго состоянія, платилъ за него выкупныя деньги вассалу, которому принадлежалъ казненный¹⁰. Ко всѣмъ этимъ безпорядкамъ слѣдуетъ присоединить еще глубокую деморализацію народа, выражавшуюся въ отсутствіи всякаго патріотическаго чувства, о чемъ свидѣлствуютъ непрерывныя дезертерства, измѣны, предательства. Народъ отвыкъ отъ труда, усыпилъ совѣсть; лѣность, бродяжничество, грязный развратъ овладѣли нисшими классами. Таково было внутреннее со-

⁸ Leber, *Essai sur l'appréciation de la fortune privée au moyen âge*, 58, note. Анекдотическая бедность Карла VII выражается также в следующей народной пѣснѣ, приводимой Клеманом (Jacques Coeur. I. 54): Un jour que la Hire et Poton Le (Charles VII) veindrent veoir, pour festoyer N'avoit qu'un queue de mouton Et deux poulets tant seulement. Las! cela est bien aux rebours De ces viandes délicieuses En des mets qu'on a tous les jours En des tables plus comptueuses.

⁹ Leber, 97. Clement, I. 93. Болѣе точныя цифры королевскихъ и государственныхъ доходовъ Франціи при Карле VII слѣдующія: Доходы королевскихъ доменовъ 500,000 ливровъ. Доходы фиска (преимуш. Taille). 1,800,000 — Всего 2,300,000 ливр.

¹⁰ Lenglet du Fresnoy, 6.

стояніе Франціи, когда судьба ея изъ слабыхъ рукъ Карла VII перешла въ руки его злаго и умнаго сына. Людовика XI не устрасила трудность выпавшей на его долю задачи. Никогда еще дѣло обширной государственной реформы не находило себѣ такого способнаго исполнителя. Въ характерѣ Людовика XI соединялась осторожная, выжидательная хитрость нашего Ивана III съ подозрительною жестокостью Ивана Грознаго. Расчетливый, холодный, кровожадный Людовикъ XI былъ какъ будто созданъ для того, чтобъ затопить въ крови послѣдніе обломки феодализма. Натура въ высшей степени прозаическая, трезвая, онъ сталъ въ разрѣзъ съ преданіями своего вѣка, въ которыхъ слышались еще отголоски поэтической старины. Рыцарскій, романтическій, элементъ былъ совершенно чуждъ его характеру. Онъ презиралъ и ненавидѣлъ всякое проявленіе чувства; онъ презиралъ поэзію, искусство, презиралъ идеальную любовь къ женщинѣ, презиралъ великодушіе, состраданіе. Прекрасно образованный, начитанный, онъ глубоко презиралъ науку, говоря о ней, что для людей умныхъ она бесполезна, а глупцовъ дѣлаетъ только напыщенными¹¹. Въ вѣкѣ, въ которомъ были еще живы и полны обаянія преданія рыцарской эпохи, онъ презиралъ турниры, поединки, пышные праздники; единственной забавой его была охота на дикихъ звѣрей, которой предавался онъ съ кровожаднымъ увлеченіемъ. Онъ пренебре-

¹¹ Memoire d'un particulier touchant Charles VII, etc. 194. (Помѣщено в «Archives curieuses de l'histoire de France», 1-re serie, t. 1).

галь шелкомъ и золотомъ; одежда его была самая простая и грубая. Онъ презиралъ и ненавидѣлъ дворянъ и окружилъ себя людьми изъ низкаго званія: самымъ приближеннымъ къ нему человекомъ былъ его брадобрѣй Оливье, въ народѣ прозванный чертомъ. Систематически отрекаясь отъ всего, завѣщаннаго средневѣковою эпохою, кромѣ суевѣрной набожности, доходившей до Фетишизма, Людовикъ XI отрицалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и идеаль благородства и чести, созданный и освященный рыцарствомъ. Его не могло связать никакое обѣщаніе, никакая клятва. Онъ нарушалъ ежеминутно данное слово, подкупалъ, поддѣлывалъ подписи и печати. Ничего не было для него святаго въ человѣческой природѣ, ничего не уважалъ и не цѣнилъ онъ, кромѣ холоднаго, расчетливаго, эгоистическаго разума. Хитрость и вѣроломство считалъ онъ необходимыми элементами и высшимъ проявленіемъ государственной мудрости. Холодный рас судокъ, эманципированный отъ всѣхъ гуманныхъ инстинктовъ, былъ единственнымъ орудіемъ и единственной стихіей его политики. Жестокій отъ природы и по расчету, онъ поддерживалъ свою кровожадность подозрительностью, которою былъ зараженъ онъ подобно всѣмъ тиранамъ. Въ своемъ неприступномъ замкѣ, окруженномъ лѣсами и рвами, онъ подозрѣвалъ всѣхъ и каждого: подозрѣвалъ свою жену, своего сына, подозрѣвалъ вельможъ, духовныхъ, даже своихъ собственныхъ слугъ и шпіоновъ.

Таковъ былъ человекъ, задумавшій политически переро-

доть Францію, и на развалинахъ Феодализма устроить свое собственное хозяйство. Съ высокимъ практическимъ тактомъ, съ осторожною, выжидательною хитростью устремился Людовикъ XI къ выполнению предпринятой имъ реформы. Шель ли онъ къ этой цѣли вполнѣ сознательно, расчитанно, или только ловко пользовался обстоятельствами, во всякомъ случаѣ въ его дѣятельности нельзя не замѣтить единства плана и послѣдовательности. Онъ понималъ, что для того, чтобы свободно дѣйствовать, ему надо было прежде создать для себя прочную политическую власть, сосредоточить въ своихъ рукахъ правительственную диктатуру, раздробленную между феодальными единицами. И вотъ, онъ начинаетъ долгую, упорную борьбу съ феодализмомъ, борьбу безчестную, жестокою, въ которой нѣтъ мѣста состраданію и пощадѣ; холодный расчетъ руководить его планами, палачъ приводитъ ихъ въ исполненіе. Онъ не охотно прибѣгаетъ къ открытой силѣ; онъ больше любитъ дѣйствовать хитростью и вѣроломствомъ; мелкимъ плутомъ онъ является чаще, чѣмъ тираномъ. При встрѣчѣ съ препятствіемъ, прежде, чѣмъ ниспровергнуть его, онъ ищетъ, нельзя ли обойти его. Онъ часто безъ нужды проливаетъ кровь, но никогда безъ нужды не подвергаетъ себя опасности. Одна верховная идея управляетъ его политикою — идея государства, сильной центральной власти. На осуществленіе этой идеи, на борьбу съ препонами, которыя противоположало ей начало мѣстнаго самоуправленія, сословной, корпоративной или индивидуальной самобытно-

сти, Людовикъ XI потратилъ всѣ силы своего ума, всѣ средства своей коварной, гибкой, изворотливой натуры. Хитростью, обманомъ, обольщеніемъ, угрозою, онъ истощилъ и привелъ въ трепеть дворянъ, ревниво наблюдавшихъ до того времени за сохраненіемъ своихъ правъ и своей феодальной независимости. На богатыхъ, могущественныхъ вассаловъ, владѣвшихъ обширными помѣстьями и значительною политическою силою, онъ обрушился всею тяжестью своей власти, не щадя даже близкихъ родственниковъ. Строптивый парижскій парламентъ и опасный по своимъ притязаніямъ университетъ онъ сдѣлалъ послушными орудіями своей воли. Папской юрисдикціи не придавалъ онъ никакого значенія и замѣщалъ по своему произволу вакантныя епископства и аббатства. Огромныя подати¹³, собираемыя имъ со всякаго подданнаго, къ какому бы званію и состоянію тотъ ни принадлежалъ, дали ему средства содержать многочисленное наемное войско, на которое, въ случай надобности, онъ могъ съ увѣренностью опереться. Чтобы возвысить авторитетъ центральной власти, ему надо было вооружить ее строгимъ и неумолимымъ правосудіемъ; съ этою цѣлью, онъ пустилъ въ ходъ цѣлую систему страшныхъ, звѣрски мучительныхъ казней, которыя устроили самыхъ закоснѣлыхъ злодѣевъ и очистили лѣса и дороги отъ разбойниковъ. Рас-

¹³ Доходы Фиска по всѣмъ статьямъ сильно возвысились въ царствованіе Людовика XI; такъ напр. одни доходы королевскихъ доменовъ возросли до 1 милл. тогдашнихъ франковъ. См. Leber, 58, note.

ширяя и устраивая такимъ образомъ свое хозяйство, онъ не упускалъ изъ виду и матеріальнаго возрожденія отвоеванной у феодализма страны, и цѣлымъ рядомъ административныхъ мѣръ старался возвысить земледѣліе, торговлю и промышленность. На все обращалъ онъ свой строгій, проницательный взглядъ, и во всемъ дѣйствовалъ съ неограниченнымъ самовластьемъ. Необъятная диктатура его захватывала даже предметы чисто отвлеченные, управлять которыми не рѣшалось еще ни одно правительство: такъ напр. силою своей королевской власти, онъ объявилъ споръ реалистовъ съ номиналистами рѣшеннымъ, и разогналъ изъ парижскаго университета профессоровъ богословія, схоластическіе приемы которыхъ ему не нравились¹⁴.

Такимъ образомъ, въ политической сферѣ, переходъ отъ старыхъ отношеній къ новымъ совершился. Цѣль, къ которой стремился Людовикъ XI, была достигнута: онъ сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ въ странѣ, раздѣленной до того времени между феодальными единицами. Франція возвысилась до цѣльнаго народна-го единства, сплотилась въ одну національность. Раздробленныя феодальныя силы слились въ одинъ широкій политическій резервуаръ; множество маленькихъ частныхъ правительствъ, раздѣлявшихъ въ средневѣковой Франціи королевскую миссію, были уничтожены, или приведены въ зависимое положеніе. Строгой государственной централизаціи, конечно, не далъ и не могъ дать

¹⁴ Cp. Kortum, I. 9-10.

Франціи Людовикъ XI, потому что подобныя реформы совершаются вѣками. Людовикъ XI ничего не создалъ и ничего не разрушилъ вполнѣ: съ одной стороны, организуя центральную власть, онъ не организовалъ никакихъ дѣйствительныхъ гарантій, могущихъ обеспечить ея силу въ будущемъ, а съ другой, сословные и корпоративные элементы, съ которыми Людовикъ XI враждовалъ всю свою жизнь, были имъ задавлены, но не уничтожены: рано или поздно, они могли всплыть на поверхность. Централизаторамъ XVII вѣка предстояло еще много труда, чтобы укрѣпить окончательно государственные узы, завязанные Людовикомъ XI, и довершивъ формацию государства, осуществить на немъ знаменитый принципъ Людовика XIV, высшее выраженіе свѣтскаго абсолютизма: *l'etat, c'est moi*. Но при всемъ томъ, первый и самый трудный актъ перерожденія совершился при Людовикѣ XI: когда онъ умеръ, государства въ современномъ смыслѣ слова еще не существовало, но не существовало также и средневѣковаго феодализма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.